

Юрий Пашанин

ЦАРСКИЕ УКАЗЫ, ИЛИ НЕОБЫЧНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ЦАРЯ ВСЕЯ РУССИ

Часть 7. Чудотворец

Юрий Пашанин

**Царские указы, или Необычные
похождения Царя всея
Русси. Часть 7. Чудотворец**

«Издательские решения»

Пашанин Ю.

Царские указы, или Необычные похождения Царя всея Руси.

Часть 7. Чудотворец / Ю. Пашанин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968766-1

Вот и новая встреча с героями сказочного государства, братьями Иваном и Павлом. Теперь Павлу стали сниться удивительные сны про спризрачную страну, где он пытается наладить свою жизнь и жизнь своего народа.

ISBN 978-5-44-968766-1

© Пашанин Ю.

© Издательские решения

Содержание

Сон Павла	6
Апрельский гром	10
В шапке	21
Соринка в глазу	25
Горькие колодцы	33
Удачные ставки	36
Задание для Воеводы	40
В недуге	45
Крутой пастух	49
Раствор	55
Репа	59
Зёрнышко	61
Показательная порка	65
От работы кони дохнут	71
Тайное явно	75
Полдуба	82
Приседанья	86
Напрасные страхи	89
Вор на воре	92
Наследственная болезнь	95
В помощь Воеводе	98
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Царские указы, или Необычные похождения Царя всея Руси Часть 7. Чудотворец

Юрий Пашанин

© Юрий Пашанин, 2019

ISBN 978-5-4496-8766-1 (т. 7)

ISBN 978-5-4496-8767-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сон Павла

Крыжицкий К. Я., «Раннее утро в полях» (фрагмент), 1897 г.

Широко за лесом поле,
Но в три раза больше луг.
По колхоза доброй воле
Всё окошено вокруг.

В потом сдобренных рубашках,
С от еды пустой сумой
Братаны Иван и Пашка
Из покоса шли домой.

«Запасли травы богато!
Встретим мы работой той
Съезд не только двадцать пятый,
А ещё двадцать шестой, —

Павел весело Ивану
Подытожил их косьбу. —
Мы, брат, три колхозных плана
На своём снесли горбу».

Ванька брату: «Ну, денёчек!
Я своих не чую плеч.
Хорошо, что дело к ночи —
Примем баньку и на печь.

Все приличья напрочь руша,

Раз того теперь я раб,
Доглядеть бы сон, Павлуша,
Где вино и много баб».

Как помылись братья в бане,
Начался настрой иной —
Стал пытаться тут Павел: «Ваня!
Ну а сон-то твой цветной?

Говоришь, не жизнь, а сказка
В той неведомой стране?
Подскажи, Ванюш, будь ласков,
Как тот сон увидеть мне?»

Ванька в голос: «Ну, картина!
Я ушам не верю, Паш!
Ты же вроде как партийный,
А поверил в эту блажь.

Пошутил я, сам же знаешь.
Ну какой там на хрен сон!?
Пей квасок, не уважаешь
Если на ночь самогон».

Поперёк страны законам —
Пьянство кончится бедой! —
Павел выпил самогону
И запил его водой.

Полегчало сразу телу,
Тут же мысли набекрень,
И полезла, как хотел он,
В мозг его цветная хрень.

Что-то голову сдавило
Как картонный коробок,
А потом как будто вилы
Вдруг ему упёрлись в бок.

Хоть мечтал он райским садом
Любоваться без затей,
Но увидел, как из ада
Появились сто чертей.

Павлу сон такой не в радость,
«Отче наш» запричитал,
Но явил тот самый градус
Скоро то, о чём мечтал.

Разлились цветные краски,
Яркий свет со всех сторон.
Вот и царство будто в сказке,
Стольный град, дворец и трон.

На плечах в каменных шуба,
Злат венец навис дугой,
Шевелятся плохо губы,
Нет опоры под ногой.

И одежда не по моде,
Что партком их в массы нёс.
А у трона кто-то ходит
И ворчит себе под нос.

Заурчало что-то в кишках,
Открывалась действия суть.
Павел понял, что братишка
Не соврал ему ничуть.

Раз дела полезли в гору,
Как заправский верхолаз,
Павел стал искать опору,
Открывая шире глаз.

А круги ярчей и краше,
Всюду звуки: «хлоп» да «хлоп».
И понятно стало Паше,
Кто есть царь, а кто – холоп.

Чтоб всему расставить точки
И свою представить статью,
Стал он слабым голосочком
Самому себе шептать:

«Не мечтал об этом сроду!
Будут всем блага рекой,
Сколько б ни было народу
Под моей, царя, рукой.

Обрисую всем картину,
Доведу им лозунг свой,
Что с народом царь единый,
А для блага – рулевой.

Пусть народ готовит брюхо,
Угодит ему всея.
Только где же брат Ванюха?
Без него здесь как же я?»

Озарило что-то в землю,
Прогремел раскатом гром.
Сну теперь чудному внемля,
Павел стал Руси царём.

Апрельский гром

Альберт Густав Аристид Эдельфельт, «Выход императора Николая II после коронации на Красное крыльцо. Поздравление казачьего войска» (фрагмент), 1896 г.

По Руси весна крадётся.
Грязь и лужи на земле.
Хоть и выше стало солнце,
Воздух градусом в нуле.

О здоровье скором грезя,
Чтоб страны быть у руля,
Павел-Царь лежал в болезни,
Еле телом шевеля.

Будто снадобья примочка,
Как ему целебный мёд,
Лучик солнца то по щёчке,
То по пяточке скользнёт.

Так весна пошла апрелем.
Царь живет стал нутром,
Как в последнюю неделю
Долбанул весенний гром.

Страшный шум в Царя хоромы
Неожиданно проник.
Павел-Царь с раскатов грома
Покатился с печки вмиг.

Он, ударившись три раза
Обо что-то головой,
Громко крикнул: «Ох, зараза! —
А потом сказал: — Живой!»

В позвонках исчезли грыжи,
Что ему мешали так.
Царь, свою ощупав «крышу»,
Лишь сказал: «Здоров чердак!

Никакой не чую боли.
Ужто жив и невредим?» —
И остался тем доволен,
Что случилось это с ним.

Солнца луч проник в оконце.
Царь умишко свой напряг
И сказал: «Что светит солнце
Снова мне – хороший знак!

Был хоть громом огорошен,
Но помог мне этот гром —
Стал в настрое я хорошем
И в желании большом».

Гром свалил и Ваньку с Даней.
Данька медленно изрёк:
«Ой! Темно перед глазами.
В рот мне дайте сахарок.

Я не чувствую ни руки,
Ни ноги одной, ни пят.
Ну, достали эти стуки!
Всё долбят в башке, долбят, —

Данька с голосом унылым, —

Будто кто в неё там влез.
Много боли причинило
Действо страшное с небес.

А огней-то сколько?! Диво!
Не видал огни я те.
А взрываются красиво
Огоньки-то в темноте!»

У Ивана тело слабо:
«Где ж внимательность моя?
Наступил, похож, на грабли
С неожиданности я.

Оступился в разе коем.
Ну, колода я! Ну, пень!

Что случается такое,
Хорошо, не каждый день».

«Был готов к сему с утра я, —
Павел-Царь надул губу. —
Каждый, Ваня, выбирает
Сам свой путь, свою судьбу.

Очень многое я помню,
Не забуду никогда.
Ох, как было тяжело мне
На печи лежать! Беда!

Мне б водички не мешало
И принести какой обед.
У меня ведь сердце сжалось,
Как услышал: «Нет, нет, нет!»

Ни ответа, ни привета!
Где вода и где еда?
Я уж думал, что вот это
Будет, Вань, со мной всегда».

Простонал Иван: «Эх, Паша!
Я б не дал тебе пропасть.
Это просто жизни нашей
Есть значительная часть.

Грипп – болезнь страшнее яда.
Коли болен стал ты ей,
Просто выключиться надо.
Ты ж не можешь, хоть убей.

Чувство крови не утратил
То, что Господом дано,
И присутствовало, братец,
У меня всегда оно.

Я ж подле тебя, братишка,
В суете который год.
Ведь, чего скрывать, и шишка
Вот, гляди, от тех забот, —

Ванька пальцем ткнул в то место,
Саданули грабли где. —

Черенок неслабо треснул
Только что мне по балде.

Я всерьёз обеспокоен
Стал за совесть, ум и честь.
Мне бы снадобье какое,
Чтоб в порядок их привести».

«Есть народная примета, —
Павел волю дал губам, —
Быть гробам, Вань, коли лето
Было склонное к грибам.

Их всю зиму вдоволь кушал,
Потому итог таков —
Жди теперича, Ванюша,
От народа тумачков.

Прибегут с вилами люди
Вот растеплится едва.
Я, Вань, верю, так и будет,
Помяни мои слова.

Коль менять чего не станем,
И случится та беда,
Час тяжёлых испытаний
И придёт, Ванюш, тогда.

Не по мне ли плаха плачет,
Не держать ли мне ответ?
Даже время на раскачку
У меня теперича нет, —

Царь пустился в «охи-ахи». —

Сыпь хоть пепел на башку,
Трон всегда, Вань, подле плахи
Не в одном стоял веку.

Так, Ванюша, сводит кишки!
Как на дело ни смотри,
Отторжение, братишка,
У меня с сего внутри.

Друг на друга посмотрели,
Коли Русь с погожим днём,
Делать выводы с апреля
Мы из прошлого начнём».

Ванька шишку тёр над глазом.
Павел-Царь ему в намёк:

«Кто увидит, скажут разом:
«Пьяной выходки итог», —

Грабли эти, мать их в душу,
Убери куда-нибудь,
А не то на них, Ванюша,
Завершишь свой бранный путь.

Сохранить себя б во плоти!
Перейди народ черту,
Не сидеть бы нам в болоте
С камышинкой, Вань, во рту.

А смекнёт вдруг, Ваня, кто-то,
Мельтешим чего мы тут?
Как полезем мы в болота,
Вдруг в чём дело-то поймут?»

Ванька сделал выдох длинный,
А затем глубокий вдох:
«Пострадал средь нас невинный!
Голова трещит как! Ох!

А холопом-то в угоду,
Чтоб порадовать нам их,
Паш, и впрямь пора к народу
В облаченьях дорогих».

Павел Ваньке враз: «Спасибо!
Власть хоть нынче и моя,
Мож, другой взамен есть выбор?
Кто герой-то? Чур, не я!

Это как сие взбрело мне?
Что случилось-то со мной?
Ты сказал, Вань, я и вспомнил,
Что хотел судьбы иной.

Я ж желал иного росту,
Править сам, а не извне.
Всё! Теперь ты будешь просто
Проживать, Ванюш, при мне.

За тобой сидеть доколе?
Сколько лет тобой гоним?
Завтра ж буду на престоле
Я под именем своим».

Ванька Павлу еле-еле

Смог поставить свой вопрос:
«Ты, Павлушенька, в себе ли?
Уж не болен ли всерьёз?

Шевельни лишь только пальцем,
А хужей пойдёшь в народ,
Назовут же самозванцем.
Ну а там на эшафот.

Ты ведь, брат, им точно ляпнешь
И устроишь нам кранты,
Что страной рулил не я, Паш,
А хреново правил ты.

Вот тогда в своей параше
Ты, смотри, не утони.
На тебя ведь спустят, Паша,
Всех собак тогда они».

«Ты с ума сошёл, Вань, что ли?
Отбредёшь за все года
И за хлеб, не рос что в поле,
За дожди и холода,

За терпенье и за муки.
Раз сие уж вышло так,
Я пожму всем людям руки,
Волю всю собрав в кулак, —

Подтянул Царь-Павел пояс. —

Путь не будет мой простым.
Я начну, Вань, сложный поиск,
Чтоб узнать, что надо им.

Что костями за них я лягу,
Поклянусь у алтаря.
Мне б потом с него бумагу,
Что признал народ Царя.

Напрягусь как сивый мерин.
В чудо верит лишь дурак.
В том расслабленность, уверен,
С безразлично — главный враг.

Коль всея не стану в мае,
А нужен рывок такой,
Мне история и я ей
Не простит в сием покой».

Ванька Павлу: «Вправду дурень!
Ты, Павлуш, хоть словом смел,
Нет стержня в твоей натуре,
Да и бледен ты как мел.

Как колено лыс ты, Пашка,
Не чета бородкой мне,
На руках, смотри, мурашки,
И они же на спине.

Ты меня когда-то вправду
Был выше на вершок,
Стал же спереду и сзади
Вызывать теперьча шок.

Не в свои ты лезешь сани.
Это вижу даже я.
При сием таком изъяне,
Ну, какой с тебя всея?»

Глянул Царь суровым взглядом,
Будто враг пред ним в бою:
«Ограничивать не надо
Устремлённость, Вань, мою.

Мож, в изъяне где телесном,
Мож, даю и фору в чём,
Но свои, Вань, интересы
Отстою своим плечом.

В том вершить пора дела нам.
Вот взойду на трон, а там
Самым смелым нашим планам
Будет место и мечтам.

Возрожусь как птица Феникс,
Только власть себе верну.
Будет всё потом до фени,
Как народу присягну.

Чтоб толпа холопов взвыла,
Увидав верхом меня,
Мне б найти каку кобылу,
А лучшей всего – коня.

Чтоб увидели далече
Все меня, вот мой совет —
Перекрась, Ванюш, крылечко

Непременно в красный цвет».

Ванька сник: «Сойду с ума я!» —
Но, остыв, в конце концов,
В день седьмой с начала мая
Красным выкрасил крыльцо.

Тем же днём перед народом,
Коль его оповестил,
Павел-Царь в короне гордо
На крыльца шагнул настил.

Всех палило солнце жаром,
Будто был июльский день.
Поглядеть Царя нашару
Все пришли, кому не лень.

Но пред ним они не пали.
Удивленье не тая,
Не признали люди в Павле
Ваньку, ихнего всея.

Хоть сконфузился сначала,
Павел-Царь открыл свой рот:
«Перед вами я – Пал Палыч.
Вас приветствую, народ!

Удивляться вам не надо,
Потому как ни к чему.
Ванька ваш за дверью рядом.
Младший брат я есть ему.

Шесть годков назад отмерьте,
Я пришёл с монастыря.
Хоть поверьте, хоть проверьте,
Вот с тех пор и за царя.

Я его поступком тронут:
Попросил – и он свалил.
Уступил мне Ванька трон-то,
Ну а вам не объявил.

Расскажу теперьча вкратце,
Что случилось при дворе.
Много лет вдали от братца
Я сидел в монастыре.

Хоть по крови я – элита,
Мож, затея и глупа,

Проводил все дни в молитвах,
Не щадя своего пупа.

Проживать в резной палате,
Есть бы кушанья густы,
А не щи хлебать мне лаптем,
Соблюдая все посты.

Стал я там за эти годы,
Всю нужду испив до дна,
Как бы родом из народа,
Будто кровь у нас одна.

Всё, что плохо сотворилось,
То – Иванова вина.
Что легло как Божья милость —
Я молился дотемна

И желал небесной манны,
Жизни сытой, не иной.
Было тяжело вам с Иваном,
Враз облегчитесь со мной.

С нонча дня теперь далече
Буду я от тёплых мест,
Ведь ответственность теперьча
Осознал я, вот вам крест.

Не смотри, лицом что зелен,
Есть изюминка в мозгу,
Что не делалось доселе,
Всё я сделаю, смогу.

Телеса ещё с изъязном.
Оттого я не в красе,
Исторические раны
Залечил пока не все.

Буду я с обличьем милым,
А пока ни то, ни сё.
Что в моих прибудет силах,
Обещаю сделать всё.

Разветвилось наше древо,
Укрепился ствол корой —
Был отец мой Павел Первый,
Буду Павел я Второй.

Хоть пока не понял толком,

Как случилось всё, ей-ей,
Станет смыслом то и долгом
Жизни царственной моей.

Есть запал в моей особе,
Жизнь вам в радость разверну.
Я силен, дееспособен
И радею за страну.

Всем сменю на хатах крыши
Из кармана моего.
Для меня это превыше,
Не поверите, всего.

Загибались год от году,
Власть имущих матом крив.
Чтоб лучшей жилось народу,
Нам нужен теперь прорыв.

Видно мне, что всяк натружен,
Хомуты на шеях трут,
Но во благо царства нужен
Напряжённый очень труд.

Чтоб лопат на всех хватило,
А к иным делам – и кос,
Слажу всё, что в моих силах,
Порешаю тот вопрос.

Не гневите Бога все —
Не простит, не ровен час.
Кто не в силе, вдохновлю я
Лучше каждого из вас.

Коли силы мы утроим,
Чтоб имели все в виду,
Мост мы в точности достроим
Через речку Середу.

Станет мостик необычным
По длине и стати всей.
По нему пройду я лично
После лошади моей.

Привыкайте к жизни оной.
Я же вас не подведу —
Обрасту и под короной,
Отращу и бороду.

Иноходец чтобы каждый
Враз понял, как царь велик,
Очень главно, очень важно,
Чтоб всея был красен лик.

Знаю я, сколь вас помёрло.
Царство им на небесах.
Сам не спёкся чуть от горла,
На судьбы лежал весах.

Если кто в болезни сгинул,
Помянуть тех нынче ж след.
Ну а тем, кто в именинах,
Я желаю многих лет.

А теперь, стоит кто в лаптях,
Кто надел себе сапог,
Голосить мне громко: «Славься!»
И желать: «Помилуй, Бог!»

И под крик: «Наш ясный сокол!
Ай да Павел! Молодца!»
На кобыле громко цокал
Царь верхом вокруг дворца.

Может, делать то не вправе,
Но погожим майским днём
Сел на трон россейский Павел,
А Ивашка стал при нём.

Царь держался моложаво,
На трону сидел пока.
Ванька скипетру с державой
Ежедневно тёр бока.

В шапке

Час который Павел ёрзал,
Перебравши не одну,
Чтоб найти удобней позу
Для сидения в трону.

Лишь позволил этот опыт
Задержаться на одной,
Он услышал шум и топот
За дворцовою стеной.

«Ну-ка глянь в окошко, Ваня, —
Павел-Царь махнул рукой, —
Это что за басурмане
Не дают Царю покой?

Усмири, Ванюш, нахалов,
Прекрати их тарарам.
Не нужен мне нынче хаос,
Особливо по утрам».

Серов В. А., «Император Николай II, полковник Королевского шотландского драгунского полка» (фрагмент), 1900 г.

Почесав себя в подмышке,

Не забыв залезть и в нос,
Вперевалку Ванька вышел
Порешать Царя вопрос.

Лишь вернулся, тут же брату:
«Ждут тебя перед дворцом.
Не уйдёт народ, пока ты
Не покажешься лицом».

Изменился Павел рожей:
«Был назад ведь двадцать дён!
Не понятно, для чего же
Я опять ему нужен?»

Хоть в желании великом
Лицезреть царёву стать,
Не готов пока я ликом
Пред народом, Вань, предстать».

«Не послушал, Паша! То-то!
Захотел законно трон,
Так шагай уже к народу,
Раз тебя желает он, —

Ванька строго сдвинул брови. —
Мож, народ к тебе с добром?
Ну, а мож, побьют до крови,
Коль попрут-то недуром».

«Там, смотри, холопов орды! —
У Царя глаза на лоб. —
Ужто впрямь начистит морду
Своему царю холоп?

Отчего такие страсти
Принимать с холопских душ?
Я ж всего в законной власти
Меньше месяца, Ванюш.

Ты пугать меня, Вань, хватит!
Мож, простой ко мне вопрос?
Мож, они желают знати,
Как волосьями оброс?

Изменился хоть не сильно,
Есть пробелы кое-где,
Покажу три волосины,
Что взрастил на бороде.

Поясню, процесс, мол, начат.
Нет стези теперь иной.
Ну а вдруг, Вань, кто и прячет
Камешечек за спиной?

Я к тебе, Вань, за советом —
Как провести меж нас между,
Услыхали чтоб при этом
Всё, чего им ни скажу?»

«Не получится иначе.
Коль начнём такое мы,
Этим только раскорячим
У холопов, Паш, умы, —

Ванька тут же подытожил: —
Ну как скажут, Царь, мол, плох?
Ведь случиться, Паша, может
Среди них переполох».

Из овцы надев ушанку,
Из которой вырван клоч,
У окошка грелся Данька,
Сев на лавки уголок.

Положение раз шатко
Царской власти, посему
Царь решил, что Даньки шапка
Перейти должна ему:

«Что уставил взгляд дремучий?
Ни улыбки, ни словца!
Погоди ушанку мучить,
Не идёт тебе овца.

До одёжи, Дань, ты падкий, —
Царь с советами полез. —
Подавай-ка шапку, братка.
Есть иной в ней интерес.

Устраню я ей причину,
Что привести могёт к беде.
Я с шапчонки, Дань, овчину
Насажу на бороде.

Применю известный опыт,
Пусть тот опыт и не прост,
Чтоб увидели холопы
У меня хоть в чём-то рост».

Павел-Царь, подумав малость,
Часть овчины взял в кулак,
Но овчина не давалась
В руки царские никак.

Коль с обычною овчиной
Не пошли его дела,
Шапку Царь на лоб надвинул,
Завязав на два узла:

«Вроде как не безбородый
Я в ушанке этой, но
Всё равно идти к народу
Как-то, Ваня, боязно.

По теплу прогноз хромает.
Ну как мне держать ответ?
Обещал его ведь в мае,
А тепла-то так и нет.

Страшновато быть героем?
Так дрожу – в глазах темно.
Лучше я, Ванюш, открою
В ихню сторону окно.

Хоть оно под самой крышей,
Далеко от их речей,
Пусть кричат, а я услышу
И отвечу погромчей».

Как исчезла дрожь в ручонках
Царской власти, наконец,
Царь надел поверх шапчонки
Свой из золота венец.

Под ненастную погоду,
Подбирая нужный слог,
Павел стал вести с народом
Без боязни диалог.

Соринка в глазу

Кившенко А. Д., «Чтение манифеста 1861 года Александром II на Смольной площади в Санкт-Петербурге», 1880 г.

Со слезинками от горя,
Не сходящими с лица,
Разлилось людское море
Возле царского дворца.

Будто недруг в обороне,
Вражьих сил боясь извне,
Что-то тёмное в короне
Замаячило в окне.

Постройней приняв осанку,
Как воды набравши в рот,
На себя надев ушанку,
Царь глядел на свой народ.

Причитать тут стали бабки,
Свистнул где-то мужичок —
Царь смотрелся в этой шапке
Как грибок-боровичок.

Царь явил, чего хотел он —
Он казался в шапке той
Свеж лицом и здоровый телом,
И как будто с бородой.

А завязки шапки душат
Так, что мысли лезут вон.
Ничего не слышат уши,
В голове стоит лишь звон.

«Суется будто мухи.
Как вести с ним тет-а-тет?
Ведь народ-то немоглухий:
Рот кривит, а слов-то нет.

А пришло их, глянь-ка, толпы!
Нет им края и конца.
Хоть и немые, гневный ропот
Виден с каждого лица, —

Царь шептал: —

Ослеп, ей Богу!
Не в обмане ль царский глаз?
Бунтарей, гляди, как много
По Россее-то у нас!

Сколь пришло их, страсть Господня!
Их же нет! Ан вот оне!
Не одна, похоже, сотня
Их проходит по стране.

Ой! И стары, и сопливы
Собрались зачем-то тут.
Так себя нетерпеливо
Под окном моим ведут.

Да, дела и вправду плохи!
Как хотелось бы покой.
А такие скоморохи
Мне теперича на кой? —

Стал чесаться Царь местами. —

Хоть душа моя чиста,
Схорониться б за кустами,
Только нет нигде куста.

Как же так? Какого чёрта?
Ужто нет и погребка?
Не видал такого чё-то
Я укрытия пока.

Как случилось? Как же можно?
Стен высоких много, но,
Что укрытий нет надёжных,
Это даже не смешно.

Ну, у жизни повороты!
И к каким бежать местам,
Не дай Бог, захочет кто-то
Раскачать нам что-то там?

Ломануться ну как люди,
И паду от рук я их.
То, что так оно и будет,
Нет сомнений никаких.

Ну а раз такое выйдет,
Занимать не трон, а кол
В полуголом буду виде.
Не дай Бог, ещё и гол.

Что ж я в думах-то про плаху? —

Царь всё мыслил как в бреду. —

Как же это я у страху
Да пошёл на поводу? —

Он все мысли постепенно
Приводил в нормальный такт. —

Крепостные есть же стены,
Очевидный это факт.

Ведь стена почти по крышу
Из прочнейших кирпичей,
И растёт она всё выше,
И становится крепчей.

Знать, и тыл не слаб, а прочен.
Знать, не быть судьбе иной.
Для меня комфортно очень
Быть за каменной стеной.

Не счинит никто вреда мне,
Коль я скрыт за монолит.
Не подвёл бы лишь фундамент,
На котором всё стоит.

Но об этом нет и речи,
Валуны в земле лежат.
При любой, знать, будет встрече
Позитивный результат.

Как народ столпился кругом,

На наряд-то глядя мой!
Пообщаемся друг с другом,
Хоть и каждый там немой.

Всё на ход похоже крестный
К манны с неба дележу.
Мне они неинтересны,
Но я что-то щас скажу».

Чтоб начать с народом сходку,
«Взяв на грудь» одним рывком,
Павел выпил рюмку водки,
«Полирнув» её пивком.

Закусив всё снедью разной,
Проглотив какой-то жмых,
Он решил устроить праздник
На глазах глухонемых.

«Рад, что вы явились сами, —
Начал Царь, народ лишь стих. —
Всяк стоит перед глазами,
Гляну каждому я в них.

Хоть сие не очень просто,
Без подсказок вникну сам —
Ваши просьбы и вопросы
Прочитаю по глазам.

Подниму больных и слабых,
Чтоб не пал ваш крестный ход
И порадоваться дабы
Мне за вас, честной народ.

Я – душевный! Как иначе?
Человечно в тему врос.
Каждый день, поверьте, трачу
Я на сложный ваш вопрос.

Не смотрите ликом пресным.
Горевать не в этот раз.
Много общих интересов
Совпадающих у нас.

Не щадит природы лоно,
С самого гниём корня?
Это неопределённость
И для вас, и для меня.

Коль пришла печаль-кручина,
А бывает так, увы,
Не ищи тому причину,
Выбрось мысль из головы.

Посмотри, живём-то где мы?
Всё ли здесь нам по плечу?
Я и сам на эту тему
Даже думать не хочу.

Я здесь царь! И каждый день я
У икон, страну храня.
Наберитесь все терпенья
И дослушайте меня.

Всяк вникай, стоишь пред кем ты.
Царь глаголит – ты кивай.
А не нравятся ответы,
То вопрос не задавай.

Может, был мой братец демон,
Может, в чём-то был и вор,
Занимался даже чем он,
Я не знаю до сих пор.

Понимаю, толку мало
С оправданья моего.
Как же низко всё упало,
Вы спросите у него.

С верой в Бога и не вру я,
Но сейчас сказать хочу —
Я вас всех разочарую
И немного огорчу.

Стал всея я в разе коем,
Знать, подай вам хлеб да квас?
Я хочу всех успокоить,
Кто так думает сейчас.

Знаю, знаю! Всем вам плохо!
Целый год без крыш дома,
На столе остались крохи
И пустуют закрома.

Мать-природа бьёт тем паче.
Коль с того тебя трясёт,
Поскромнее ставь задачи,
По-простому делай всё.

Что поделать? Все мы грешны!
Что там шепчите под нос?
А, я понял! То, конечно,
Ожидаемый вопрос.

Стал иным чуток я в теле,
Моложавей, чем тогда,
Отрасли и почернели
Ус, волосы и борода.

Есть подвижки в царском стане.
Как занял царя-то пост,
Замечать я стал в том плане
Не падение, а рост.

На висках, под носом, с тылу
Волосья, ни ткни куды.
Много важных предпосылок
Есть и к росту бороды.

С тем приростом видеть жажду
Поворот в своей судьбе.
Ощущает ведь не каждый
Эту радость на себе.

Чтобы быть не безбородым,
Хоть какой вними совет,
Надо минимум два года.
У меня ж их просто нет.

На вопрос один ответил,
Даже вроде на второй.
Или это уже третий?
Да от вас вопросов рой!

Всё, хорош глазами хлопать!
Всех я разом не пойму.
Вы мозги царя, холопы,
Загружайте по уму.

Попритихли? Слава Богу!
Есть вопрос, я вижу, там.
Ну, земли в Россее много.
А за что её раздам?

Не царя то просто прихоть.
Всё берите, сколь не лень,
Но несите медяки хоть,

Что у вас на чёрный день.

Есть вопрос? Моргните глазом.
Разгребу их череду.
Если нет ответа сразу,
Постараюсь и найду.

Отвечаю всем про сено,
Раз такой возник вопрос —
Сена нынче по колено,
Только нет в достатке кос.

А теперь вопрос последний,
Я сочту его за блиц,
Был в курятниках намедни —
Там ни кур и ни яиц.

Ну, куда всё делось, ясно!
Спёр всё тот, сидит в ком бес.
Это сложный и опасный
Всё вернуть назад процесс».

У Царя чесалось ухо,
Заводя его всерьёз.
Шапку вывернул Павлуха,
Чтоб интимный снять вопрос.

Тут в его влетело уши,
Как вопрос от старика:
«Не устал ещё, Павлуша?»

Царь сказал: «Ну, нет пока!»

Оценив проблему мигом,
Раз без шапки стал оков,
Царь хотел не только прыгнуть —
Подскочить до облаков:

«Все увидели, не все ли,
Как волос сменился цвет?
Под угрозой был доселе,
А теперь как будто нет.

Обсудили всё нормально,
Хоть немые холопы ртом,
И без всякой экстремальной
Ситуаций притом.

Хоть и хлопали глазами,

И вопросов был напор,
Получился между нами
Интересный разговор».

Царь теснее шапку скомкал
В онемевший кулачок:
«Подстелю ужо соломку
Вам теперьча под бочок.

Ваши нужды мне ведомы,
Будет всем на пироги.
А теперь давайте к дому
Резко сделаем шаги».

Каждый был, как конь стреножен,
От страданий ныла плоть,
Но кричали все: «Мы можем! —
И, – Храни Царя Господь!»

Павел-Царь, расслабив спинку,
Раз без дела всё равно,
Стал искать в глазу соринку,
Где маячило бревно.

Горькие колодцы

Венецианов А. Г., «Встреча у колодца» (фрагмент), 1843 г.

Царь, как будто скупал мыло,
За столом сидел уныло,
Стол накрыт как никогда,
Но не лезла в рот еда:

«Не терял хоть в Бога веру,
Мир какой-то чёрно-серый.
И напряг я жилы все,
Жизнь не в белой полосе.

Хоть за пазухой у Бога,
Толку нет, а шума много.
Всё одно, кричи хоть, вой,
Результат-то нулевой.

Уменьшал её в два раза,
Бедность прёт себе, зараза!
И, похож, ей на беду
Больше быть в сием году.

На холопов-то страдальцев
Ужто мне смотреть сквозь пальцы?
Эдак я их на корню

Только в угол загоню.

Самому что ль в коем разе
Просто крыши всем покрасить?
На сием бы лишь пути
До маразма не дойти.

Не полезу в быт их нагло.
Посудачу с глазу на глаз.
Пусть холопы всё подряд
Мне на ухо говорят.

Я кивну всем многократно,
Будет мне и им приятно.
Сей бы рейд да повторять
Раз в году примерно пять.

С ихних слов узнаю скоро
Обо всех холопских спорах,
У кого какой мотив
И кто власти супротив.

А потом не за горами
Приползут ко мне все сами.
Как тогда я буду жить
Страшно аж предположить.

Что-то я не то итожу!
Щас, щас, щас придумать должен,
В жизнь людей внеся свой вклад,
То, чему он был бы рад.

И себе, и им в угоду
Подслащу-ка я им воду.
Пусть на год, не на века,
Будет жизнь людей сладка.

Чтобы сгладить все вопросы,
Это точно лучший способ.
Хорошо, припасен впрок
В прошлом годе сахарок.

Сахар – вещь большого цикла,
А у них нутро отвыкло.
Как он сладок, радость в нём!
Ну, давай уже начнём!»

Только всыпал Царь народу,
Все с утра пошли по воду.

Понеслось из уст в уста,
Что вода, мол, не чиста.

Впопыхах, с бесовой воли,
Царь снабдил колодцы солью.

Божьей воле вопреки
Правят миром дураки.

Удачные ставки

Тимм В. Ф., «Красная площадь во время коронации Александра II» (фрагмент), 1856 г.

Там, где волос был короткий,
Царь чесал свою бородку,
И глядел то между ног,
То в порожний чугунок.

В бороде же то и дело
То чесалось, то зудело,
И страдания лица,
Видно, не было конца:

«Это что же за такое?
Час который нет покоя.
И когда ж, скажите, тут
Волосья-то отрасли?»

Чтобы эдак не чесалось,
Мож, каким помазать салом
Или, мож, убрать грешок,
Там приладив лопушок?»

У окна жужжала муха.

Павел-Царь напряг два уха —
Шум слышался иной
За дворцовой стеной.

То ль гремели кто в оковах,
То ль зацокали подковы?
Не корячить чтобы ум,
Царь решил пойти на шум.

Только вышел за ворота,
Враз увидел, ходит кто там:
Шёл к Царю, чеканя шаг,
Аравийский Падишах.

Хоть и был уравновешен,
Царь немножечко опешил,
Не позвав его во двор,
Сразу начал разговор:

«Мой привет честному люду!
Кто вы будете, откуда?
Хоть и странен ваш наряд,
Я гостям безмерно рад.

Вижу я по вашим кишкам,
Далеко зашли вы слишком.
Хоть скакун не подкачал,
Позитивных нет начал».

«Путь и правда был не близкий
От Сауды Аравийской, —
Падишах в ответ. — А я —
Падишах пустынь всея.

Шёл сто дней с поклажей всею
Лицезреть всея Россеи.
Измельчал багаж стократ,
Но стою у нужных врат.

Волочась пустыней жаркой,
Растерял я все подарки.
Завязал хоть в сто узлов,
Просочились из углов.

Жемчуга, алмазы, камни —
Всё укрылось под песками.
Хоть богат безмерно, тут
Стал обычный нищелюд».

«Мож, и вправду дал ты маху,
Рад я очень Падишаху, —
Царь ему. – Грустить не след,
Ведь нужды в подарках нет.

В это время в этом месте
Сам ты стал благою вестью.
Под обманный уговор
Совершим-ка мы манёвр.

Обещался я народу
Подсластить в колодцах воду,
Чтоб всегда была она
Для нутра его вкусна.

Поперёк своей же воли
Я в колодцы всыпал соли.
Чтоб башку не сняли с плеч,
Мне б холопов чем отвлечь.

Пред народом утром ранним
Мы устроим состязанье.
Подадут лошадку мне.
Ты ж помчишь на скакуне.

Но поскачешь валко, шатко,
От моей отстав лошадки,
Чтоб увидел весь народ,
Как их царь примчал вперёд.

Сто процентов будет явка.
Повелю всем делать ставки.
Каждый беден, и коль так,
Будет куш им за пятак.

Знают все про царску клячу,
Что продую, не иначе.
Ставить будет вся страна
На твоёго скакуна.

А увидят как такое,
Вот уж-то рты откроют!
Тут, глядишь, и мне почёт,
И пятак в казну течёт.

Обыграем дело любо,
Не по-хамски и не грубо.
С лошадьми кутерьму
За подарок и приму».

На пригорке было тесно.
Всем ведь было интересно,
Как устроит мат и шах
Скоро Павлу Падишах.

Мчась на лошади, к обеду
Павел взял-таки победу,
Но мечтал о деньгах зря —
Ставки были на Царя.

Задание для Воеводы

Шабунин Н. А., «Суворов разговаривает с крестьянами о своей службе» (фрагмент), 1901 г.

Разыгралась непогода.
Павел-Царь устал вконец.
Из конюшни Воевода
Прибыл к Павлу во дворец.

Длинной речью не лукавя
И в ином не видя толк,
Усадил его Царь-Павел
Супротив себя за стол.

«Погляди, какие ветры!
Ураганы да шторма!
Залилось воды по метру
И в дома, и в терема.

Погнили, поди, опоры.
Перекося грозит бедой.
Небеса-то день который
Поливают их водой.

На сии смотрю дела я

Круг себя не в первый раз.
Это нас не удивляет,
А пугает это нас, —

Вытер Павел лоб от пота. —

Жизни лучшей не суля,
Возвернутся ведь болота
В лес, в овраги и в поля.

Власть хотят болота точно.
А возьмут её – беда!
Под ногами твёрдой почвы
Не почувствуем тогда.

И в Россее в коем веке,
Там хоть сразу на погост,
Будут огненные реки,
А средь них – Калинов мост.

Иссушить их не с руки нам.
Коль болота-то придут,
Меж русалок и кикимор
Как искать простой-то люд?

От русалок совьи крики
Заполнят округу всю
И послышатся чирики
От кикимор – «сю-сю-сю».

Говорят святы писанья:
Люди вышли из болот.
Хоть в писанья верю сам я,
Не по нраву вывод тот.

Чтобы жизнь-то не просела
Посередь сией пурги,
Осязаемые б сделать
И понятные б шаги, —

Павел встал и потихоньку
Потоптал свой тронный зал. —

Всё вокруг пугает вон как!
Будто кто нас наказал.

Кроме солнца заблестало
Кое-что в размер луне.
Вот об этом как-то мало

Говорят в моей стране.

Скоро будет не до блуда.
Верным признаком войны
Три затмения придут,
Дважды – солнца, раз – луны.

Хитрый враг, что был нам близок,
Поползёт со всех сторон.
Этим действиям явный признак
Нападения ворон.

Не спешил с прогнозом я бы
Предвещать сейчас беду,
Но родилось много яблок
В прошлом, помнится, году.

Мож, рассказываю небыль,
Я теперь во страхе сам,
Ведь светился крест на небе
И сгорел наемный храм.

Так и будет, чую кожей.
Все набьют шишак на лбах.
Схорониться каждый должен
От напастей в погребах.

Мож, не так что в жизни ихней,
Под Царя указы ляг:
Голосок настроить тихий
И помалкивать в кулак.

Запретить хотя б на лето
Проявлять народу прыть.
А иначе как от бед-то
Мне Россеюшку укрыть?

Пусть уж свои вопросы
Всяк оставит на потом,
Разглядел раз царь их просто
В небе звёздочку с хвостом.

Я просел чуть-чуть от страха,
Сердцем в пятки обе влез —
Сеют хаос Кету с Рахой,
И пошёл уже процесс.

Затрясётся солнце вскоре,
И настанет Божий суд,

Ведь они беду и горе
Для людей с собой несут.

Рок тяжёлый в спину дышит,
И на то не наплевать —
Солнце северней и выше
Стало утречком вставать.

Неуютно стало как-то
Под гигантским рычагом.
Не уйти от этих фактов
Ни в припрыжку, ни бегом».

Воевода поднял оба
Грозных глаза на всея:
«И хотел бы, не способный
Усмирить стихию я.

Не унять мне силу эту,
Хоть и всем упрусь нутром.
Как с багром да против ветра,
Против бурь с худым ведром?»

Павел-Царь с изгибом в теле
От стены ходил к стене:
«О конечной общей цели,
Ну, ты дай сказать-то мне!

Не полны хоть их утробы,
А тела теряют вес,
Был же стержень у холопов,
Но куда-то он исчез.

Каждый день одно и то же!
Средь простых житейских пут
То кому расквасят рожу,
То телегой зашибут.

Что народ лютует в драках,
Даже смерти не боясь,
И явились Кета с Рахой,
Есть какая-то в том связь.

Не по нраву мне та мода.
Небесам благодаря
Как побьют друг другу морды,
Так возьмутся за Царя.

В их умы бы что посеять,

Чтоб холопы всей страной
Были смелы за Россею,
Но во страхе предо мной?

Потихоньку, а не в лоб им,
Без нажима, как-то так,
Не с природой, а с холопом
Ты войти должён в контакт.

Хоть теперь стал Воеводой,
Доведи до всех лохов,
Что с простого ты народа,
Из обычных конюхов.

Чтоб в Россее стал послушным
Воле Царской стар и млад,
Покажи свою конюшню
И житейский в ней уклад.

Погуляй в умах их серых,
Пусть раскроют рты оне.
А к тебе добьёшься веры,
Покорятся, знать, и мне».

Воевода, двинув усом,
Не посмел открыть свой рот.
«Приучи кого быть трусом,
Львом в войне не станет тот», —

Думал он. Но всё ж, радея
За оклад свой, чуть заря
Воплощать пошёл затею
Суеверного Царя.

В недуге

Кивишенко А. Д., «Жнитво», 1878 г.

До лишенья дара речи
Царь три раза падал с печи,
И тому всегда был рад,
Что не лоб расшиб, а зад.

Царь, отведав квас из кружки,
Закрепил на зад подушки,
Чтоб его, валясь под печь,
От судьбы такой беречь.

При подушках в коем разе
Спал теперь он без боязни.
Только зад обрёл покой,
Царь ударился башкой.

Он расстроился: «О, горе!
Вновь башке добавил хвори,
И нанёс я ей урон
Не с одной, а с двух сторон.

Нет во мне уже терпенья
На дальнейшие паденья.
Коль не там поставлен щит,
Голова теперь трещит.

А от этого итога
Крайних точек зренья много,
И потом от этих бед
Есть ещё один момент.

От удара в лоб такого
Я ж за рубль отдать готовый

Хоть корону, хоть дворец,
Хоть Россею, наконец.

Коль ударился я шибко,
Велика цена ошибки.
Вдруг с падения был вред?
Понесу ведь полный бред.

Переносит, может, кто-то
То падения, то взлёты.
Мне ж прорыв нужён всегда,
Хоть какая будь беда.

Занемог хоть я онально,
Лидер всё ж национальный,
И имею сто идей,
Как улучшить жизнь людей.

То ли Бог толкает, бес ли,
Мысли, кажется, полезли.
Хоть и сам настороже,
Это делаю уже.

Посмотрю, мысля какая
Слева, справа возникает,
И какая глупость есть
У меня то там, то здесь.

Вот одна: верну-ка всем я
Что удерживал доселе.
Знает каждый пусть холоп
Павел-Царь для них не жлоб.

Неугоден чем был людям,
Никогда теперь не будет.
Не платя за то ни грош,
Всяк бери чего кто хошь.

Пусть берёт народ без лени
Всё по разным направлениям:
Хоть – горох, а хоть – бобы,
Хоть и брёвна для избы.

Не сошёлся свет же клином?
Пусть берут грибы, малину,
Сок берёзовый в ведра
И орехи бьют с кедра.

Забегать вперёд не буду.

Всё пусть тащат отовсюду.
В три раза под Царский слог
Я уменьшу всем налог.

Разрешу хворым и старым
Всё что хошь иметь и даром.
Коль топить им нечем печь,
Книги все собрать и сжечь.

Повелю всем в коем лете
Разносить повсюду сплетни
Кто кого и сколько раз.
Подпишу о том Указ.

Пусть про бабок знают деды,
Что детишки от соседа.
Покривят от злобы ртом,
Породнятся все потом».

Хоть головушка в тумане,
Царь донёс идею Ване.
Не хотел совать свой нос,
Ванька всё ж поправку внёс:

«Для кедровых шишек сбора
Стариков гони и хворых.
Сколько шишек наберут,
Во дворец немедля прут.

Убоясь чертей и Бога,
Пусть блюдут оброк с налогом.
Чтоб не быть нам на мели,
Ты особо не шали.

Хоть задумал до хрена ты,
Каждый пунктик делим на три,
Россеяне знали чтоб,
Кто здесь царь, а кто – холоп».

Очень скоро, но не сразу,
Были Царские указы.
Опершися на клюки,
Били шишки старики.

Дети ягоду-малинку
Понесли Царю в корзинках.

У Царя же как-то вдруг
В голове прошёл недуг.

Крутой пастух

Вот уже как две недели
Лез маслёнок под росу,
Яркой спелостью зардели
Всяки ягоды в лесу.

Старикам и деткам малым,
Не себе беря их впрок,
Важно времечко настало
Для Царя нести оброк.

Коли из лесу оброка
Не несли ему пока,
Павел-Царь на солнцепёке
Согревал свои бока.

Нестеров М. В., «Весна», 1923 г.

Проверяя глаз на меткость,
Приловчившись быстро к ней,
Павел бил с берёзы веткой
Надоедливых слепней.

Лишь решил, награвшись вволю,
Царь уйти в тени покров,
Разглядел в далёком поле
Будто стадо из коров.

Хоть паслось оно не рядом,
Хоть и видимость плоха,
Не заметил Царь у стада
Никакого пастуха.

Удивлён событием новым,
Он подумал: «Мудрено!
И откуда быть коровам?
Всех поели же давно.

Знать, сберёг скотину кто-то.
И тому благодаря,
Продолжается работа,
Значит, где-то втихаря.

Что ж не снился сон мне вещий?
Кругозор-то мой как мал!
На Руси такие вещи,
О которых я не знал. —

Шевельнул Царь-Павел усом. —

Аппетит пойдя, умерь.
С колоссальным я ресурсом
По говядине теперь.

Я заметил в коем разе
Неких слов росейских блуд.
Почему коровье мясо
Все говядиной зовут?

Разгребу и эту кашу:
Быть с Указа моего
Лишних слов у речи нашей
Не должно ни одного.

Хоть Росейский край суровый,
Поглядел любой бы тут,
Как достаточно коровы

Все устойчиво растут.

Что на веру полагаться?
Ужто сам я глух и нем?
Ведь пора поразбираться
Мне, конечно, с этим всем, —

Приложив ладонь над бровью,
Царь стал в мыслях нарочит. —

Что ж за стадо-то коровье
Всё идёт, а не мычит?

Сколь гляжу я от начала,
Для меня они странны.
Хоть одна бы замычала!
А должна уже. Должны.

Прёт сюда всё стадо вроде, —
Царь застыл и вслух изрёк: —
Вижу всё, что происходит.
Ужто вправду под оброк?»

Но уже через минуту,
Отойдя от праздных дел,
Царь воскликнул: «Ужто смута?
Как же я не доглядел?

Стал на глаз, знать, не здоровы.
А без глаза слаб вдвойне.
Это ж вовсе не коровы,
А народ идёт ко мне.

Сколь их прёт-то! Я аж в шоке!
И идут не налегке.
Там у каждого кошёлка
Неподъёмная в руке.

Ну как в тех кошёлках камни
Да и палки за спиной?
Ох, намнут они бока мне,
Поглумятся надо мной!

И согнуты в странных позах.
Ведь побьют не за пятак.
То, скорее, мне угроза,
Но надеюсь, что не так».

Царь мозгами как варёный,

Оградил простор уму.
Хоть башка и под короной,
Напекло её ему.

Нагишом, не при параде,
Загоревший с ног до плеч,
Ставши на слово не складен,
Обратил к народу речь:

«Трудно выразить словами
Как я всем пришедшим рад!
Я одним, один пред вами
Здесь стою у Царских врат.

Видеть рад малых и старых.
Голос ваш ласкает слух.
Вы как стадо, как отара.
Я – единый ваш пастух.

Привлекает вид ваш внешний:
Вымя, круп, рога и хвост.
Гарантирую дальнейший
Небывалый в этом рост.

Как вы по полю ходили,
Колокольчиком звеня,
Совершенно убедили
Аргументы те меня.

Непонятен вам с лица я,
А кому – кажусь врагом,
Я ничё не отрицаю,
Говорю хоть о другом.

Вам воды в ведрах устроил,
А кормов в достатке нет.
Вы скажите, вас устроил
Вот такой сейчас ответ?

Жизнь, конечно, впору плакать,
Хоть ложись с того житья,
Только всё-таки в контакте
Мы доселе – вы и я.

Вы свои лижите рожи
И от мух держите зад.
Это действо дать хороший
Может скоро результат.

Избежите так заразы.
Вот и веточка моя.
Вам сознаюсь, раз от разу
Это делаю и я.

Слепни вредные повсюду,
Норовят присесть на мне, —

Облизнулся Царь прилюдно,
Врезав веткой по спине. —

Как от солнца всё посохло!
Хоть с утра вы на ногах,
Нет во травах нынче сока
Ни в овражках, ни в лугах.

Вы паслись, а мало прока?
Будет каждой по стогу,
Но назвать конкретных сроков
Я покуда не могу.

Как с жары-то вы сопрели!
Чтоб не пала ваша рать,
Вам, бурёнки, на свирели
Попытаюсь я сыграть.

Я дудел в неё всё лето,
Сообщаю без прикрас.
Коль не видели вы это,
Посмотрите в этот раз».

Потянуло тут прохладой.
Павел-Царь, открыв свой рот,
Пред собой то видел стадо
Из коров, то вновь народ.

Пред его ж заблудшим ликом,
Что жарой совсем зажат,
По корзинкам ежевика
С земляникою лежат.

Аромат неся приятный,
Лился запахов поток.
С демагогией невнятной
Царь расстался на чуток.

Но прервать Царю заминку
Было всё-таки дано:
«Всем первичное в корзинках

Ликвидировать звено».

Подошла тотчас старуха
К Царским голым телесам.
И дошло до Павла слуха:
«Это всё искушай сам.

Собирали в срок как надо,
Положили в кузовки.
То – от нас тебе награда
С щедрой каждого руки».

Царь собрал все мысли в кучу,
Но ответил невпопад:
«Я – пастух ваш! Значит, круче
Мне не может быть наград.

Обещаю перемены!
Говорю от сердца тут!
Вам в достатке будет сена,
Мне для дел пастушьих – кнут».

Приняв зноя в троекрате,
Оттого умом ослаб,
Царь то видел бабы платья,
То коров, то снова баб.

Он смотрел с улыбкой глупой
На цветной в корзинках дар.

То ли люди, то ли крупы
Уходили молча вдаль.

Раствор

Как жара свалилась грузом
Неподъёмным для иных,
Царь в загаре с плеч до пуза
И ниже мест срамных.

От нагрузки оной скоро
Потемнел и головой.
Стал лечить себя раствором,
Чтоб вернуть умишко свой.

Мож, чего он там напутал,
Коль башка умом темна,
Пробудился Царь наутро
Как с большого бодуна.

Обретя ума палату
И придя в себя чуток,
Он спросил Ивана-брата:
«Почему я без порток?»

Кустодиев Б. М., «Большевик», 1920 г.

«Ну, ты, брат, с огня да в полымь!
То ли хрень жевал каку,
То ли впрямь с убойным пойлом
Приложился к черпаку.

То плаксив ты был, то – весел,
И всегда был вхожим в раж.
Ты здесь так, Паш, куролесил,

Вытворял такое, Паш!

На себе ты рвал волосы,
Не шадя и седых влас.
Ты, Паш, пел разноголосьем
И как бес пускался в пляс.

Ты такой здесь кипиш поднял! —
Ванька брату. – Видит Бог,
Ты в одном своём исподнем
Из дворца чуть не убёг».

Павел стал искать поспешно
Вход у нижнего белья:
«Ужто вправду делом грешным
Это всё устроил я?

На семи цветках заварен,
А эффект его каков!
Да, Ванюш, раствор коварен!
И всего-то пять глотков».

Ванька вновь своё: «Каков ты! —
И в рассказ влился опять. —
Да какие ж пять глотков-то?
Ты их сделал двадцать пять.

А за этими глотками
Совершенно телом гол
Обхватил башку руками
И уселся, Паш, на пол.

Ты кусал до крови губы
И что мочи есть орал:
«Ой, никто меня не любит!
Ой, страну-то я просрал!

Вот умру – никто не вспомнит! —
И разов не меньше двух
Ты кричал: – Души ни в ком нет!
Лишь во мне божествен дух».

Павел-Царь в портки вселился:
«Перебор случился с ним.
Хорошо, остановился.
Да! Раствор непобедим».

Но ответил Ванька: «Ой-ли?
Я молил тебя! Так нет —

Ты продолжил с этим пойлом
Свой бесстрашный тет-а-тет».

«Вот мозги-то как корячит!
Так ведь гнёт людей этил!
Понесло меня, Вань, значит.
Знать, не бросил, заглотил», —

Застегнув в портках ширинку,
Не раствор на этот раз,
Павел-Царь вкусил из крынки
Пересохшим горлом квас.

Ванька встал пред Павлом в позу:
«Трудно дело лишь начать.
Ты поплакал, вытер слёзы,
Влез на стул и ну кричать:

«Наглецы, глупы и алчны
И бояре, и всея.
Всем устроить бой кулачный.
Поддержу вас в том и я.

Всяк указ против народа.
Натерпелась Руссь сполна.
Вымирает год от года,
Деградирует она.

Без коней за плугом ржавым
И без соли хрен сосём.
Мы уже не сверхдержава,
А отсталые во всём.

Все во власти нынче воры —
Царь, бояре, даже Поп.
Всех в острог и под запоры
Отвести должён холоп.

Сбросим рабство! Всем свобода!
Нет стези у нас другой.
Впредь у власти быть народу,
А царю – ему слугой».

«Ужто влез я с этим словом? —
Почесал Царь-Павел пуп. —
Быть не может, Вань, такого,
Хоть и впрямь я правдолюб.

Самого за то отсечь бы,

Коли власть так помянул.
Да! Похоже, с этой речью
Я, Вань, палку перегнул.

Всех бояр с царём к ответу!?
Как сказал-то мудрено».

«Ты, Павлуш, орал всё это
Сквозь открытое окно», —

Ванька вновь.

«Народу много ль
Увидало действие то?» —
Павел-Царь на Ваньку строго.

Ванька Павлу: «Тысяч сто!»

Царь обмяк: «Раствор бездушен!
Ничего святого в нём!»

Ванька тихо: «Ты, Павлуша,
И Указ издал тем днём.

Чтоб народ Указ услышал,
Ну, ты, Паша, был хорош,
Гольшом поведал с крыши,
Как бояр с царём прижмёшь».

Павел скорбно: «В шоке сам я.
Виноват один ведь я.
Результаты потрясают
И последствия питья.

Принести убытков может
Он не менее чем вор.
Да, Ванюш, коварен всё же
Тот пользительный раствор».

Посчитав Указ свой вредным
И себе не по нутру,
Царь его спалил немедля
И развеял на ветру.

Хоть народ Царя не слышал,
Всё же был переполох —
Всяк гадал, зачем на крыше
Бегал голый скоморох?

Репа

Маковский А. В., «Крестный ход на Флора и Лавра», 1923 г.

Мож, задумано нелепо,
Чтоб повесить рейтинг свой,
Предъявил холопам репу
Царь с огромною ботвой.

Но здоровьем слабоват он,
Отчего-то приболел.
Павел-Царь Ивану-брату
Показать ботву велел.

Коль взялась невесть откуда
И объёмами странна,
У дворца глазеть на чудо
Лиц собралось до хрена.

Всем мозги травить готовый,
Будто сто осиных жал,
Пред народом Ванька слово,
Как задумано, держал:

«Бог явил вам, люди, диво!
Широко торчит ботва.
То не куст, не ветви ивы.
Что ни лист – аршина в два.

Зеленеет, слава Богу,
Наше небо подперев,
И в земле сидит глубоко
Корневищем как у древ.

Это чудо нам в награду.
Начинать уже кураж.
Всем возрадоваться надо,
Причитая «Отче наш».

Под ботвы укройтесь тенью,
Так же сделаю и сам,
Упадите на колени
И вызывайте к небесам.

Что не вышел Царь – не горе.
Он глядит на вас с окна,
Потому как весь во хвори,
В непростые времена.

Разглядел он лица ваши
За ветвистою ботвой,
И теперь с окошка машет,
Потрясая головой.

Мы – держава, а не пешка.
Чуда суть нам дорога.
Это первое бревешко
В предстоящие блага.

У ботвы кружитесь роем,
Пойте песни, пейте квас.
Сколько чуда впредь откроем,
Пригласим смотреть и вас».

Тут холопы в коем разе,
Не точка о репе ляс,
В подозрительном экстазе
Круг ботвы пустились в пляс.

И пока стояли крепко
Зеленые лопушки,
Обнимал Иван у репки
Здоровенные вершки.

Зёрнышко

Павел-Царь, откушав чая,
Тут и ливень как на грех,
У окна сидел, скучая,
И колол лесной орех.

С неба градин будто кару
Бог направил не одну.
Брат-Иван, считал удары
Этих градин по окну.

Павел брату: «Сердце стынет.
Для людей худая весть.
Просто белая пустыня.
Это так оно и есть.

Вот смотрю, а сердцу больно.
Сыплет град во все концы,
А холопы всё, Вань, в поле.
Все – герои, молодцы!

Как, гляди, их ливень мочит,
Град то в спину, то в бока!
Реагируют не очень
Все на это, Вань, пока.

Я горжусь народом, Ваня.
Хоть не враг пред ними тут,
Это ж просто поле брани,
Где того гляди помрут.

Максимов В. М., «После обедни» (фрагмент), 1891 г.

Не сбегут чего же сами
От сиих несносных мук?
Будто все сидят с пилами,
Под собой же пилят сук.

Сколь теперьча градин в туче,
Мой вердикт для них таков,
В том объёме и получают
Все холопы тумачков.

Со стихией не воюя,
Героизмом их сражён,
Озабоченность свою я
Обобщить сейчас должён.

Мне бы, Вань, простому люду
Просто так без лишних слов
Показать какое б чудо,
Напугав при том послов».

Хоть карман давно был драный,
Да и сам мозгами сер,
Царь нашарил всё ж в кармане
Что-то малое в размер.

Хоть находка и ничтожна,

Павел вскрикнул всё равно:
«Это ж зёрнышко! О, Боже!
Это ж самое оно!»

«Коли гнёшь мыслью такую,
Знать, чего-то на мази?
Сам умишком не допру я.
Ну-ка, Паш, изобрази, —

Ум Ивану закружило
И слегка прижало грудь. —
Где в зерне золотая жила,
В чём его благая суть?»

Павел Ваньке: «В коем лете
Отыскал зерно в штанах.
Не гляди, что я из этих,
Ну что в прошлом был монах.

Пробудил в себе я мужа.
Нет теперьча терпежу.
Что и как мне делать нужно
Лишь спроси, и я скажу.

Донести пора народу
О зерне благою весть,
Что у них, мол, с нонча года
Богатеть возможность есть,

Хошь — объеешься, хошь — упейся,
Мол, имея то зерно,
И всего в одну копейку
Обойдётся им оно.

То зерно не мала сошка.
Всяк инструкцию итожь —
Положи его в ладошку
И проси с него что хошь.

Говори, не уставая,
И получишь в тот же срок
Много сладких караваев
И сметану, и творог».

«Ведь не глуп народ, хоть беден, —
Данька встрял, слышал лишь. —
Чтобы внял твои он бредни,
Как им это объяснишь?

Чтоб народ умишком серым
Верить стал, что это так,
Убедительный, примерный
Изложить придётся факт».

Ванька Павлу: «Доля наша
Каждый день дуришь народ.
Хоть и бред, конечно, Паша,
Есть маркетинговый ход.

Пустим слух среди народа,
Что уже не так давно
В сундуке у Воеводы
Есть такое же зерно,

Что уже, мол, средством оным
Смог решить вопрос любой,
Что теперь дистанционно
Он ведёт с врагами бой,

Что помог, мол, Царь конкретно
Воеводе в этот раз,
Что об этом есть секретный
Пущей важности Указ».

Павел тут же: «Слава Богу!
Сколь идей в мою башку.
Не пора ль приделать ноги
И к Указу, и к слушку?

Подсобили в разе коем.
Как же, братья, я без вас?
Ведь один в поле не воин.
Ну, спасибо за подсказ».

Под усердием Павлухи,
Будто кислое вино,
По Руси бродили слухи
Про волшебное зерно.

Павел-Царь с тоски лысеет,
Мысль тревожит лишь одна —
Где же брать на всех в Россее
Как обещано зерна?

Показательная порка

Васнецов А. М., «Площадь перед церковью. Улица в городе», 1911 г.

Павел-Царь умишком малым
Стал на выдумки хорош,
Мол, зерна чудного валом,
Мол, проси с него что хошь.

Личной выгоде в угоду,
Коль волшебное оно,
Царь издал Указ народу
Покупать сие зерно

И пустил слухок в народе,
Чтоб в зерно поверил всяк,
Что оно, мол, Воеводе
Привалило разных благ.

Раскупил холоп, сколь было
У Царя сего зерна,
Но с него не выходило
Нужной пользы ни хрена.

Кучковаться стали люди,
Где – домами, где – селом.
Ждали, счастья им прибудет,
А случился всем облом.

Коли с зёрен нет приплоду,
Покупали коли зря,
Потянулись всем народом
Ко стенам дворца Царя.

У Царя под сердцем стынет,
А само – и бьёт не в такт:

«Чую, будет нам по дыне,
Раз столкнулись с этим. Факт!

Ужто правда песня спета?
Глянь, орут-то как круто!
Не рассчитывал на это,
Что припрутся все, никто.

Думал, люди так наивны
И зерно проглотят ртом.
Зря работал, знать, активно
В направлении я том.

Коль пустышку продал им я,
Что понял и идиот,
Знать, опять к непоправимым
Всё последствиям придёт».

Ванька Павлу: «Да, Павлуша!
Не завидую тебе.
Коль народ с зерна без куша,
Знать, и прибыл во злобе.

Ты готовься дать теперьча
Хоть какое интервью».

Царь ответил: «Делать неча.
Что-нибудь им пропою.

Эх, ядрёная Матрёна!
Принесли, поди, и кнут.
Что имел договорённость,
В одночасье зачеркнут.

Вот царей вам жизни проза!
Как теперь ни матерись,
Сохраняется серьёзный
С обостреньем этим риск.

А холопы-то активны!
Всяк и зёрна приволок.
Мне б усилий коллективных,
Да с людьми в диалог.

Ох, какой подняли крик-то!
Коль сие не по плечу,
Разрешения конфликта
Здесь же мирного хочу.

На толпу бы дать запреты.
Вот тогда работы лад
И настрою на конкретный,
Прагматичный результат.

В их вопросы вникнув лично,
Благо, суть невелика,
Умозрительных величий
Я не делал бы пока.

Не дают покоя трону.
Одолели, иху мать!
Им же на договорённость
Откровенно наплевать.

Я ж за счастье их радею.
Всё внимай и не шали.
Есть закон, а вот идеи
Примененья не нашли.

Ишь, пришли и встали в позу!
Царь и пикнуть не моги!
То ж прямая мне угроза,
Агрессивные шаги.

Коль они к Царю без веры
И ревут как дикий зверь,
Знать, я должен соразмерно
Реагировать теперь.

Обманул их, грешны все мы.
Коль обманутые тут,
Не решу я все проблемы
Здесь за несколько минут.

Аргументов мало веских,
Нет и фактов ни рожна.
Позитивная повестка,
Знать, другая мне нужна».

Ванька выглянул в окошко:
«Что в руках у них, гляди.
С деревянной каждый ложкой
И с кувшином на груди.

Что же эдако такое
Учудили, не пойму?»

Царь опять: «Не быть покоя

Нынче сердцу моему.

Коль стоят с немойтой рожей,
Не уходят со двора,
Мне доверие, похоже,
Восстанавливать пора.

Обещанья под нажимом,
Не теряя сути нить,
До глобального режима
Лишь бы не распространить.

Сколь решений ни приму я,
Все как ужу на огне.
Хошь не хошь, а напрямую
Говорить придётся мне.

Хоть лужком иди, хоть лесом,
Но доход со стольких ртов
В жертву личным интересам
Я принизить не готов».

Будто он сражён недугом,
Для того скривив лицо,
Царь, до ужаса напуган,
Вышел всё же на крыльцо.

Их задумка та, не их ли,
Будто статуи литы,
Все пред ним тотчас затихли
И раскрыли тут же рты.

«Знаю я, хотите что вы.
Много есть о том вестей.
Будет вам на каждый повод
И реакция властей, —

Сделал выдох Царь глубокий
И такой же точно вдох. —

Всех, кто слаб или убогий,
Царь услышит, видит Бог.

С тех, что держите в ладошках,
Зёрен много будет благ.
И хлебать уж их не ложкой,
Будет надобен черпак.

Чтоб могло и шей, и каши

Вам зерно сколь хочешь дать,
Надо вам с запросом вашим
Хоть недельку подождать».

Тут вопрос невесть откуда
Подоспел от мужичка:
«Мож, покажет это чудо
Воевода нам пока?

Знать до ужаса охота,
Коли весть о том верна,
Как же он без крови с потом
Всё имеет от зерна?»

Царь в ответ: «Ах, интересно
Как работает оно?
Мне доподлинно известно,
Съела лошадь то зерно.

Случай этот нехороший
И меня вогнал в тоску.
То ль пороть теперьча лошадь,
То ли всыпать седоку?

Нет и часа без заботы,
Во всего вникаю суть.
Я хвалить готов кого-то,
А кого-то припугнуть.

Не вписалась в нашу точно
Философию она,
Воеводой же заочно
Порка принята сполна.

Не вернуть ему зерна же.
Так к чему ж махать рукой?
Пусть теперь он с тем, что нажил,
Формирует наш покой.

Хоть с копьём, а хоть с дубиной,
Чтобы враг попадал ниц,
Охраняет пусть стабильность
По периметру границ.

Ну, на ус-то намотали?
Для блага детей и жён
Интерес фундаментальный
Быть у каждого должён.

Хоть штаны спадать, конечно,
Будут с каждого и впредь,
Царь не даст пусть жизни вечной,
Но не даст и помереть.

Жить без чуда – жизни норма.
Потому всем мой совет:
Без зерна того, с зерном ли
Проживёте много лет.

Что считать себя убогим,
Ждать благой Царя Указ?
По параметрам ведь многим
Царь живёт хуже вас.

Не ругайте Бога всуе
Ради блага своего.
Просто не интересуется
Это нынче и его.

Что Царёва ждать решения
Надлежит теперьча вам,
Закключаем соглашение.
Расходитесь по домам».

Мож, стерпел такое б кто-то,
Не дрожа за жизнь свою,
А с Царя сошло три пота
От такого интервью.

Причитая «отче наше»,
Все холопы по пыли
Так, не солоно хлебавши,
От дворца и побрели.

От работы кони дохнут

Малютин С. В., «Пахарь», 1890 г.

Дождь над Руссю ночно-денно.
Залило аж по колено.
Коль высокий там бугор,
Не в потопе царский двор.

Опустившись во кручину,
Царь в углу сидел с лучиной.
От неё хоть малый свет,
Во дворце иного нет.

«Что притихли, Ваня с Даней?
Русь в плену похолоданий.
Вечный холод, паразит,
И Европам, глянь, грозит.

Мы всем миром хоть в июле,
Снегурки там все обули.
От своих слышать коллег,
В Барабаме тоже снег.

Ну а нам, видать, в награду
Навалило только граду.
Хоть погода не краса,
Всё ж не лезет в минуса.

Расползание угрозы
Не скатилось бы в морозы.
Ну как придет к нам с утра
Размораживать пора?

Ох, предвижу я цветочки
Болевым различным точкам, —

Царь икнул. —

Несдобровать!
Это будет убивать!

Будет много места, братья,
Рядовым мероприятиям.
Чую я, и нас припрёт
В сей период сложный лёд.

Как ни глянь, а чую, близко
И другие тоже риски.
Коих нет, пойдут в почин
Объективных сто причин.

По Россее в коем веке
Стали множиться калеки.
Кто не здоров из них рукой,
Кто – в спине, а кто – башкой.

У холопов в силе тело
Ниже низшего предела.
Стары, малы, все подряд
Лишь одно и говорят,

Как от боли в теле охнут:
И поведала кому-то
«От работы кони дохнут!»
А загнутся, не дай Бог,
Брать с кого тогда оброк?»

Ванька Павлу: «Про работу
Говорят холопы что-то!
Сердобольный ты ж у нас,
Вот они к тебе в подсказ.

Ведь додумался же кто-то —
Дохнут кони от работы!
Что того в природе нет,
Дан научный, Паш, ответ.

Есть по лекарским ученьям
Возрастные измененья.
Хоть живи и без труда,
А болезнь найдёт всегда.

У иных же, хоть ты тресни,
Есть врождённые болезни.
Про коня они, Паш, зря.
Пусть посмотрят на Царя.

Ты ли, я ли, ночью-денно
Вон как трудимся усердно.
Не работай – эдак тут
Слабаком и обзовут.

У царей с того по факту
То инсульты, то инфаркты,
То в мозгу, то в теле дрожь.
Так в делах-то и помрёшь.

Не пора ль, Павлуша, в стремя
Забирать у граждан время?
От безделья в пять минут
Царску власть они сомнут.

Пусть холопы, Паш, в охоте
Всюду тянутся к работе.
Про коней же в болтовне
Лишь расслабились оне».

«Ужто факты про работу
Подтасовывал, Вань, кто-то?
Чтоб не сглазили мне Руссь,
Я шас к этому вернусь.

Что же я которо лето
До сих пор не сделал это?
Что расслабились оне,
Не пришло в башку, Вань, мне.

Как же жаль, не ведал, Ваня,
Обстановки я реальной.
В поле нету ни стожка,
А подай им пирожка.

Что их Царь усерден в деле,
Да плевать они хотели?
Это просто плохо всем.
Я не знаю! Ну, зачем? —

Призадумавшись, не сразу,
Разродился Царь Указом,
Черкнул лишь пару строк,
И сему подвёл итог: —

Отразил вопросы все я,
Чем народ занять в Россее.
Хоть Указ ни то, ни сё,
Я закрыл вопрос тот. Всё!

Чтоб отправить весть благую,
Мне б бутылку взять какую.
Я б в неё вложил Указ
И отправил тот же час.

И её бы, мож, сегодня
Кто-то где-то с вод и поднял,
Всем холопам прочитав,
Что в бутылке есть, состав».

В сундуке своём ни рыл как,
Не нашёл в нём Царь бутылку.
От потуг тех сбившись с ног,
Он немного занемог.

Но Указ доставить дабы,
Царь сложил листок в кораблик,
По воде отправив в путь
Излагать народу суть.

Тайное явно

Коцебу А. Е., «Подвиг Петра I во время бури», 1832 г.

Разыгравшись не на шутку,
Льёт с небес которы сутки.
Павел-Царь, держась за мяч,
Как дитя пустился в плач:

«А прогнозы-то плохие!
Унесёт, поди, стихия.
Чтоб потоп не уволок,
Лезть пора под потолок.

Хорошо, что рядом мячик.
Ведь утопну же иначе.
Хорониться ж вне грунтов
Я пока что не готов.

Хоть держусь за мячик ловко,
Стал я с разбалансировкой.
Ох, потоп я прозевал!
Расчищать пора завал, —

Разбивая в кровь коленки,
Царь скакал от стенки к стенке
Через водную среду,
Размышляя на ходу. —

Ну, прижал я мячик к телу.
Что же дальше с этим делать?
Как ни глянь, а с нонча дня

Есть угроза для меня.

В час, когда их Царь лысеет,
Чем же занята Россей?
Чай, с кораблика сейчас
Изучают мой Указ.

Погибает Царь-отец-то!
Оторвались бы от текста,
Приплыли б в сии края
Своего спасать всея.

А потоки-то безбрежны!
Знать, и жертвы неизбежны.
Ведь останусь же один
Средь сплошных тогда руин.

Ну как уровень уважит
Каждый час по десять сажень?
Станут враз вокруг Царя
Сплошь бескрайние моря.

Коль зальёт Руси равнину,
Уплыву на Окраину.
Как вольюсь я в их среду,
Референдум проведу.

Нужно делать что, внимаю
Всё ж с неполным пониманьем.
Что приплыл к ним просто так,
Буду впаривать-то как?

Ох, я чую, скоро крышка!
Где ж вы, жалкие людишки?
Стал я мысли все о том
Переваривать с трудом.

Царь утопнет! Как так можно?
Что за люди? Ну, ничтожны!
Ужто старая за мной
Со второй придёт волной?»

Ванька Павлу: «Хватит, Паша!
Озабоченности наши
В сей судьбы нелёгкий час
Одинаковы сейчас.

Не утопнуть чтобы, я же
Заберусь на стул ведь даже.

Ну а ты и Данька в круг
Да залазьте на сундук».

Павел был хоть и не рядом,
Обменялся с Данькой взглядом.
Коль его он помянул,
Данька Павлу подмигнул.

Мало ясности вначале,
Три секунды помолчали.
На сундук пора что лезть,
Пониманье всё же есть.

Своего спасенья ради,
Позабыв о Павла взгляде,
На одном плывя боку,
Данька двинул к сундуку.

Царь его в плену угрозы
Под своим держал гипнозом,
Чтоб не смог наверняка
Соскочить с его крючка.

Павел с Данькой, выжить чтобы,
На сундук залезли оба.
Царь Даниле тут же: «Брат!
А сундук-то тесноват.

Я вот вижу первым взглядом,
Разъезжаться как-то надо.
Сам собою ты принёс
Даже больших мне угроз.

Что тебе здесь тоже тесно,
Это мне не интересно.
Где тебе искать жильё,
Это дело не моё.

Говорю интеллигентно,
Иностранный есть агент ты.
Что ли ты кем раньше был,
Враз об этом подзабыл?

Здесь единственный есть способ —
Удалиться без вопросов.
Место в эдакой топи,
Уплывая, уступи.

Мы же взрослые все люди,

Даже ссориться не будем.
А к родному очагу
Возвратиться помогу».

Данька Павлу: «Я не въеду!
А продолжим-ка беседу!
В жёсткой форме этот бред
Говорить тебе не след.

Хоть мы ладили не очень,
Наш союз был всё же прочен,
И прими как комплемент,
Ты – соперник, конкурент.

Я и впрямь не вышел рожей,
Только дружба хорошо же?
Ураганных волн середь
Надо ладить нам и впредь.

Я ж пришёл нагим и босым,
Ты мне братом стал и боссом,
А ещё я помяну,
Что предал свою страну.

Раз не сгинул в Барабаме,
Вот тону теперь я с вами.
В той стране моей тогда,
Как и здесь, пришла вода.

Не хотел сидеть на пальме,
Ведь не скоро б воды спали.
Так и стал на радость мне
Я на вашей стороне.

И за помощь вашу, Паша,
Расплатился я сполна же.
Пробирало хоть до слёз,
А купался ведь в мороз.

Вы же с Ванькой знали сами,
Что был в сговоре с властями.
Всяк же думал, что финты
Вытворял не я, а ты».

«Как варёная морковка! —
Царь в ответ. – Смотреть неловко!
Вспомнил зря ты иордань.
Что с тобой такое, Дань?

Много надобно ума-то,
Чтобы враз за компроматы?
У меня ведь тоже, брат,
На тебя есть компромат.

Хоть рыжа твоя головка,
Ты ж, по сути, полукровка.
В Барабаме был главой,
Но их принц – отец не твой, —

Пальцем ткнул на Даньку Паша. —
Постарался мой папаша.
Результат не утаишь —
Рыжим принца стал малыш».

«Может, думать так и пошло,
Но заиклимся на прошлом, —
Данька будто ни при чём
Завладел Царя мячом. —

Довелось ли вашей маме
Быть с папанькой в Барабаме?
Не была ли там она
Как любимая жена?

Я давно заметил просто,
Ты Ивана больше ростом.
Это видно же как днём.
Не от принца ли геном?

А смотреть ещё детальней,
Так ты, Паша, будто с пальмы.
Только, видно, ген поправ,
Головой не кучеряв».

Заморгал Царь-Павел тут же:
«Ну, кому всё это нужно?
Жизнь такая, Дань, вокруг —
На двенадцать пять услуг.

Не хочу я ухудшений,
Братик, наших отношений.
У меня, тебе ответ,
Компромата больше нет.

Чем ворчать для назиданий,
Промолчу я просто, Даня.
Быть мячу, хоть нужен мне,
На твоей, брат, стороне.

Рад поступку я такому,
Коли даришь жизнь другому.
Что-то правильное в том
И великое притом.

Окропляю кровью с потом
Я всегда свою работу.
Что не вру тебе сейчас,
Посмотри ещё, Дань, раз.

Поносить к чему нас с Ваней
Неприличными словами?
На троих у нас и здесь
Есть разумный интерес.

Впредь должён быть плотик стойкий,
Но у нас нет денег столько.
То, что Царь имеет куш,
Это, братец, просто чушь.

Ну, холопы, что за люди?
По себе они, чай, судят.
Словоблудье, что не жду,
Может быть людьми между.

Всем холопам, мать их в душу,
Подглядеть бы да подслушать,
За Царя стоя спиной,
Изменилось чё со мной.

А со мной-то им не в милость
Так ничё не изменилось.
Как и вся доселе Русь,
Ночью – в сон, а днём бодрюсь.

Что ж с тобой мы, в самом деле,
Сей сундук-то не поделим?
Коль мы тут как взаперти,
Занимай хоть две трети.

Хоть сундук, хоть пол-Россеи
Забирай под аннексию.
Не понять ведь на воде,
Проводить границу где».

То со смехом, то с рыданьем
Уверял Царь-Павел Даню,
Как и всем, в воде ему

Не по нраву самому.

Сам же думал: «Без холопа
С голодухи каб не лопнуть».

Данька-брат сушил штаны
Перед лидером страны.

Полдуба

Ванька-брат все дни в июле
Проторчал стоймя на стуле,
Павел, брат его, пока
Был на крышке сундука.

В положении немилом
Обоих чуть-чуть не смыло,
Только их, пожили чтоб,
Пожалел, видать, потоп.

Божьей милости в угоду
Отходить решили воды,
И как будто бы стеной
Поднялась вода волной.

Под такой воды лавиной
Дуб снесло наполовину.
От корней до средин
Только ствол торчал один.

Корзухин А. И., «Воскресный день», 1884 г.

Павел с Ванькой в пересуде:
«Как в сием страдали люди?
Я живу в стране всю жизнь,
Не терпел сего, кажись.

Хоть и голову ломаем,
Результата, Вань, не знаем.
О, Господь, людей храни!
Чай, не вымерли они?

Посмотреть бы как всё легло
Просто коротко и бегло.
Мож, стоят теперьча где
Сотни, тысячи людей?

Не взялись иные кабы
Убивать, Ванюш, и грабить.
Под ногами тех рубак
Нет ли мёртвых там собак?

Городов росейских среди
Уж не ходят ли медведи?
Верить хочется – не так.
А иначе, Ваня, как?

По верхам гляди, хоть зорко,
Есть проблемы и с приборкой.
Хоть огонь будь, хоть вода,
Ведь решаем мы их? Да!

А потоп-то был не в шалость.
Я испытываю жалость.
Сколь стерпел от этих вод!
Да! Вот это, Вань, народ!

Хоть видна в нём и без лупы
Стоеросовая тупость,
Только нет страны такой,
Юмор льётся где рекой.

Люди радуются вроде
Все тому, что происходит,
Ведь воспитан каждый впрок
Был кровати поперёк.

Единил их я не в беды,
А круг радости с победой.
Как, братишка, иху мать,
Всех теперь объединять?»

«Что вода народу эта?
Не конец же, Паша, света? —
Хоть побитое оно,
Ванька выглянул в окно. —

Вещи умные всегда я
Предлагал и предлагаю,
Только сколь внедрял идей,

Раздражали все людей.

Надо, Паша, скажем прямо,
Скорректировать программу.
Коль извне работа есть,
Хрен ли делаем мы здесь?

Нам напомнить надо лохам,
Хорошо что есть, что плохо.
Рассказав всё это им,
В этот миг объединим.

А потом добавим разом
Всем чуток энтузиазма.
Лишь бы их энтузиазм
Не испортился за час.

Коли он не впитан тут же,
Никому не будет нужен.
И пока народ наш туп,
Подойдёт вот этот дуб, —

Хоть смотрелись очень грубо
На бугре остатки дуба,
Ванька Павлу вновь совет: —
Вот он, символ, Паш, побед!

Дуб, глянь, бурею измотан,
Не сдался ветрам и водам,
В бед пучине не умер.
Вот народу, Паш, пример!

Да! Без верха дуб отныне.
Устоял всё ж в половине.
Без коры торча, нагой,
Схож с огромною ногой.

Он со всех сторон, я вижу,
Окружён зловонной жижей.
Пусть увидят люди в нём
Солнце ночью, звёзды — днём.

Пусть они, смотря стыдливо,
Ощутят несправедливость —
Будут жить все много лет,
А у дуба кроны нет.

Варианты вижу все я.
Заорут они: «Россея!»

А потом их так попрёт —
Голосить начнут: «Вперёд!»

Мы у них под крики эти
Сформируем долголетье.
Будут все не просто жить,
А активно не тужить.

Без скотины и без хаты
Будут все борщу лишь рады,
Про судьбы забывши рок,
Понесут царю оброк.

Ну а нам тогда, Павлуша,
За народом глаз да уши.
Чтоб следить за каждым, брат,
Тут какой бы аппарат.

Для сего завести бы дела
Голубей хотя б да белок.
Но они же, чую сам,
Разбежались по лесам».

Возле дуба Царь с народом
Хороводил хороводы.
И звучали у ствола
Благолепные слова.

Хоть торчало лишь полдуба,
Стал пенёк народу любим.
Эту блажь вкусив до дна,
Накричался всяк сполна.

Приседанья

Для благого созиданья
Царь пустился в приседанья:
«Мне б теперь ради Христа
Раз присесть не меньше ста.

Стал я выглядеть негоже
Левой мышцей икроножной.
И хожу я как хромой,
И в осанке не прямой.

Сели! Встали! Сели! Встали!
Будут мышцы крепче стали.
Лишь бы нижнюю их часть
Сдуру не перекачать.

Станут ноги как оглобли,
Для чего такой мне облик?
Кто бы меру ту для ног
Отыскать Царю помог?»

Перов В. Г., «Восстание декабристов», 1870-е годы.

Приседать стараясь браво,
Царь качался влево, вправо.
Пред дворцом, где был лужок,
Скоро вытоптал кружок.

Двадцать раз присел лишь гордо,
Ткнула в спину чья-то морда
И дыхла горячо
Павлу в левое плечо.

Обернулся Павел махом:
«Да с тобой помрёшь со страху!
Думал, всё! Царю кранты!
Воевода! Ужто ты?

А чего же ты весь в пыли
Не верхом-то на кобыле?
Да и смотришь, будто хвор.
Ужто важный разговор?»

Воевода Павлу хмуро:
«Поскакал в галоп я сдуру,
И одна подкова в хлам
Развалилась пополам.

Коль она теперь разбита,
Чтобы сунуть под копыто?
Хоть кузнец не с простаков,
Сих не делает подков.

Вот хожу и волком вою.
Без кобылы ж я не воин.
Мне ж, сказать теперьча след,
Девяносто скоро лет.

Я, Царь-батюшка, в отставке
Полежать хочу на лавке
Без хлопот хотя бы год.
Ну а там и на погост».

Глянул Царь на гостя дико:
«Погоди-ка, погоди-ка!
Ты, чай, выжил из ума!
Ну, кобыла, ну хрома!

Ну и что, что стала клячей?
У Царя вон сто болячек.
В ситуации такой
Я и сам бы на покой.

Не чиня себе вреда, я
Отжимаюсь, приседаю.
За спиной-то сколь годов,
А страной рулить готов.

На спине ль лежу, на пузе ль,
А работа не в обузе.
Сколь Господь отвёл мне дней,
Хоть больной, а буду в ней.

Внять мотив твой интересный
Не могу я, хоть ты тресни.
На Руси в башке с дырой
Каждый значится второй.

На печи ж валяться метит,
Как ни глянь, а каждый третий.
Коли всех мне их учесть,
Потеряю ум и честь.

Во дому на печке, где ли,
Всяк больной у нас при деле.
Хоть болячкой прирастёт,
А корзиночки плетёт.

Чем челом Царю-то биться,
Обходи страны границы.
Умываться чем слезой,
Всем ворогам будь грозой.

Лишь подай пример холопам,
Вообще всё может лопнуть.
Положися на меня
И бери мово коня.

Ну а я подков кобыле
Пошукаю, где-то были.
Выше нос и зорче глаз!
Вот такой тебе мой сказ».

И пошлёпал с видом жалким
Воевода вперевалку
Во совет Царя-отца
Брать из стойла жеребца.

Царь доволен был – хоть кто-то
Снял одну с него заботу.
К получению нужных благ
Сделан был им первый шаг.

Напрасные страхи

Изо всех дворцовых трещин
Поползли лесные клещи.
Сник Царь-Павел: «Заразит
Чем-нибудь сей паразит.

Мне на дню бы раза по три
В надлежащем быть досмотре.
Ну как впрямь вредитель тот
Мне куда и заползёт?

Попади-ка в глаз зараза,
Как Царю тогда без глаза?
Без него тогда хоть вой.
Скажут люди: «Царь кривой».

Да и как с одним-то глазом
Ставить подпись под Указом?
Хоть пера давай пучок,
А не выведу крючок.

Ну а если в разе коем
Распрощаюсь я с рукою?
Не почешешь в зуде где
И не сходишь по нужде.

Богатов Н. А., «Типы Москвы. Городовой», 1875 г.

Потеряв в руке свободу,
Как укажешь путь народу?
Ткнёшь рукой не так – беда.
Все попрут, да не туда.

Совершенно не в охоте
Я иметь изъян во плоти,
Но страшней до не могу
Мне иметь изъян в мозгу.

При таком тогда уроне
Изумруд сопрут в короне.
Вот здоров, а чую, в ней
Не хватает пять камней.

Что-то вроде не в порядке
Между пальцев и на пятке.
Ну как впрямь с заразы той?
Ох, не стать бы с хромотой!

Ведь с такой в ноге осечкой
Не залезу и на печку
И не дам хромой пока

Никому под зад пинка.

Чтоб не стать с клещей тех скоро
Ни умом, ни телом хворым,
Раз взгляну не меньше ста
На себе во все места.

Дам отпор я в коем разе
Этой пакостной заразе.
Хоть иных забот гора,
Оглядеть свой стан пора».

Осмотрев себя насилкой
С потных пяток до затылка,
Царь промолвил: «Бог со мной!
Нет ведь твари ни одной.

Чтоб и впрямь не быть заразе,
Осмотрюсь ещё я разик».

Хоть старался Царь пущей,
Не нашёл в тот день клещей.

Вор на воре

Павел-Царь умом в недуге:
«Ну, бояре! Ну, хапуги!
Тянут всё в свой уголок,
Что я сам не уволок.

У Царя в казне упадок,
А бояре прут и рады.
Утаили, чай, оне
Денег больше, чем в казне.

За боярским-то забором,
Чай, добра высоки горы.
Хоть не делал то досель,
Заглянуть в каку бы щель?

Упереться надо рогом,
Да к боярскому порогу.
Учиню переполох.
Знают пусть, что Царь не лох.

Перов В. Г., «Отпетый», 1873 г.

Зачитаю им указы —
Языки развяжут сразу.
У Царя на их межи
Будет свой детектор лжи.

Я уже как будто вижу:
Прицелю им что пониже,
И начнут под вой и крик

Говорить всю правду вмиг.

Уложу для розг на лавку,
И пойдёт казне прибавка.
Как взглянут-то на розги,
Враз прочистятся мозги.

Тут я их боярски рожи
Под итог-то и стреножу.
Будет им моей рукой
И прибавка, и покой.

Я б и сам с тех экзекуций
В оправданьях стал бы куций.
А боярские-то лбы
На терпение слабы.

Мож, кого прижму и лишку,
Русь избавлю от воришек.
Всяк из них получит срок.
Кто балует, всех в острог».

Со своим созревшим планом
Павел-Царь бегом к Ивану.
Всё открыто, не в намёк,
Изложил ему как мог.

Почесав себя в подмышке,
Брат в ответ: «Растёшь, братишка!
На боярски закрома
Сколь приладил, глянь, ума.

Прижимал и я, бывало,
Всех бояр, Павлуш, немало.
Сколь ни бил их, до сих пор,
Как ни глянь, на воре вор.

Не было б в башках их бреши
От твоих, Павлуш, затрещин.
Из бояр ворюга всяк,
Но опора как ни как.

Не зазнались, черти, кабы,
Припугнуть бояр пора бы.
Надо сечь за страшный грех,
Но легонько и не всех.

Для показа воя с плачем
Пару, троечку назначим.

Досадим немного им,
Будет страх и остальным».

Тех бояр, кому быть битым,
Царь вписал по алфавиту
И на яблочный всем спас
Определил нужный час.

Но под яблочек угощенье
Подарил своё прощенье.

А с бояр же с тех финтов
Пятьдесят сошло потов.

Наследственная болезнь

Билибин И. Я., иллюстрация к «Сказке о царе Салтане» (фрагмент), 1905 г.

Из Царя наружу лезли
Все наследственны болезни.
Что ни день, так сразу три
То на теле, то внутри.

Павел Царь болезни эти
Ото всех держал в секрете,
Но, приняв болезней нал,
Об одной-таки не знал.

Коль в сием был он непрочен,
То Царя хоть днём, хоть ночью
Гнёт всюю болезнь та,
Лишь начнётся дремота.

Только он во сне глубоком
Повернётся правым боком,
Враз, держа в прищуре глаз,
Из светлицы ищет лаз.

Царь, не ведая подвоха,
По стране гулял неплохо:
То поточит с кем-то ляс,

То хмельной заглутит квас,

То играет на гармошке,
То в колено стукнет ложкой,
То в болезни той пока
Вдруг исполнит гопака.

Знал, не знал ли, но во бреде
Царь показывал медведя.
Коль с болезней этой слит,
Он нет-нет да пошалит:

То благим завоюет матом,
То снесёт кому полхаты.
Что болезнь в нём эта есть,
Всё ж дошла до Павла весть.

Царь к Ивану: «Вот те нате!
Ужто я, Ванюш, лунатик?
Про недуг сей, плешь мне в лоб,
Ведь узнал, поди, холоп.

Мож, уже, пока был весел,
Я чего накуролесил?
Ведь не знавши, что и как,
Окрестят же: «Царь – дурак».

Ой, Ванюша, как неловко!
Хоть вяжи себя верёвкой.
Соглядатаев-то тьма.
Скажут: «Царь сошёл с ума».

Хоть Указом, хоть прилюдно
Оправдаться будет трудно.
Уж не знаю, Ваня, сам,
Как мне в сей не влезти срам?»

«Дел всего-то – кот наплакал!
Обрати болезнь во благо, —
Успокоил брат его. —
Ну, лунатик! Что с того?

В лунатизме этом, Паша,
Был и я, и наш папаша.
Не помрёшь, её таща.
Не страшней она прыща.

Ты молве людской дай ходу,
Что, мол, Царь всегда с народом,

Что готов страдать при нём
Царь и ночью, мол, и днём.

Потому, мол, днём и ночью
До благих ты дел охочий,
Что, мол, в радость и в беду
С ним дудишь в одну дуду.

А как внемлют, ночно-денно
Ладь крестины и рожденья.
Хоть на свадьбы будешь вхож,
Спишь ли, нет ли – не поймёшь.

Только каб в таком загуле,
Паш, тебя не ущипнули.
Учинит холоп щипок,
Ведь рехнёшься, видит Бог».

Царь Ивану: «Даже близко
Не нужны мне эти риски.
Ну как впрямь умом рехнусь?
Без меня ж загнётся Русь».

К лунатизму нынче ж, Ваня,
Будет метод кардинальный.
Я покончу, братец, с ним,
Только способом иным».

Перед каждым сном в итоге
Царь вязал верёвкой ноги,
И по самый локоток
Уходил ещё моток.

Проявив к себе заботу,
Царь доволен был работой.
Но наступит лишь рассвет,
Царь глядит – верёвок нет.

В помощь Воеводе

Геллер П. Е., «Неожиданное послание от императора», 1902 г.

У Царя по телу что-то
Разразилась вновь ломота.
«Ох, как ноет там и тут!
Знать, опять дожди придут.

Не было такого вроде.
Ужто старость на подходе?
Слабоват я стал на ум
И в башке какой-то шум.

Как скажи, Вань, Воевода
До свово дожился года?
Хоть с простых он конюхов,
Девяносто ведь годков.

От макушки и до пяток
Стал не так он в силе хваток.
А придёт как в бой пора,
Не удержит ведь багра.

Мордой в грязь пади иль в сено,
Не найти ему замены.
В службу ту, где рядом враг,
Ну, какой пойдёт дурак?

Во дворце чего-то душно!
А пошли к нему в конюшню.
Как и с чем он будет бдить,
Надо с ним мне обсудить».

Коль военных нет походов,

Сплошь затишье больше года,
Воевода почивал,
Подминая сеновал.

Лишь шаги услышал, сразу
Воевода двинул глазом.
Тут прошёл и сладкий дрём,
Как увиделся с Царём.

И к нему как быт не сладок
Со своим опять докладом:
«Боже наш, Царя храни!
Еле жив хожу все дни.

Служба стала как удавка.
Отправляй меня в отставку.
Ну как впрямь на Русь враги,
Я ж встаю не с той ноги».

«Вижу, вижу! Гол и босый!
По другому я вопросу, —
Воеводу Павел сам
Постучал по телесам. —

Всей твоей теперьча рати
Не придётся силы тратить.
У Царя подмоги для
Есть хорошая мысля.

Не ударил зад свой, лоб ли,
Привяжи к спине оглобли,
Возле рук же от груди
Две дубовые жерди.

Ведь в твои преклонны лета
Подсобить пора скелету.
И поднимешь ты тогда
Как пушинку три пуда.

Где болота очень топки,
Будешь бой вести в коробке.
В этот самый коробок
Уязвимый спрячешь бок.

Дам кинжал такой, братуха,
Что любое вспорот брюхо.
А к новинкам этим всем
Невидимка будет шлем.

Дело сделаю благое —
В уговор пойду с Ягою.
Поведу как с ней дела,
Будет ступа и метла.

Как пойдут они в работу,
С вертикальным станешь взлётом.
Как огромен, кто бы знал,
Будет твой потенциал.

В слово царственное веря,
Всё почувствуй в полной мере.
Хоть чего ещё проси,
Будь защитником Руси.

Басурманам стань занозой.
Что их вызовы, угрозы?
Сколь тебе добавил сил,
Чтоб ты пользу приносил.

Вот тебе оглобли, жерди.
Жду теперь твоих усердий.
Что зависит от Царя,
Будет завтра чуть заря.

Хоть тебе живётся туго,
Доверять пора друг другу.
Только вместе, ты и я,
Защитим Руси всея.

О делах глаголю ратных,
У тебя ж глаза квадратны!
Может, дела на пятак.
Говори, чего не так?

Ради дел великих даже
Я медаль любу прилажу.
Серебром медаль звеня,
Будет имени меня.

От такой свой нос воротить?
Говори, какую хочешь.
Хочешь, крестик дам любой
Даже с лентой голубой?

Во Россее-то могучей
Есть медаль на всякий случай.
Вот за мост медаль введу
Через речку Середу.

А тебе, я чую, надо
Крест за взятие с осадой.
Есть в достатке и они.
Дать какой хоть намекни.

За Казань, за Астрахану?
Ты скажи, тотчас достану.
Что молчишь, браток? Давай!
Просыпайся! Оживай!»

«Чтобы я с врагами дрался,
Сделать всё ты постарался,
Но сие на этот раз
Не годится и в показ, —

Воевода как измучен. —

Нет во мне крови живучей.
Охранять и дале Руссь
Я телесно не гожусь.

Хоть простым живу я бытом,
Дверь моя всегда открыта.
Сам, незнамо, что я ем,
Поделюсь всегда и всем.

Я уже негоден ни к бою,
Ни стояти пред тобою.
И багор, что я носил,
Нет держать теперьча сил».

Ванька тут же: «Эко дело!
На сие получишь девок.
Дряхлость сразу укротим,
Лишь устроишь всем интим.

Разобраться с хворью оной
Колокольным можно звоном.
Лишь себе не навреди.
Много дел ведь впереди».

На новинки все от Павла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.